

**Новая жизнь древних святынь
в возрожденной обители преподобного Ферапонта**

Год 2000-летнего юбилея Рождества Христова стал поистине эпохальным для *«Дома Пречистой Богородицы честного и славного Ея Рождества и Преподобного Ферапонта в Лужках в Можайске»*. Сам Господь к этой дате преподнес подарок древней обители, благословив обретение честных мощей ее основателя преподобного Ферапонта Белозерского и Можайского чудотворца.

Со дня обретения, 26 мая 1999 г. начался как бы новый этап в истории Лужецкого монастыря, но неразрывно связанный, тем не менее, с событиями минувших столетий. Не претендуя на всеохватывающее сообщение, расскажем здесь лишь о нескольких святынях, которые, происходя из далекого или близкого прошлого, обретают в возрождающейся Ферапонтовой обители новую жизнь.

Преподобный старец Ферапонт, мощи которого 573 года находились под спудом в церкви, ему посвященной, всегда незримо пребывал в обители. Теперь все мы имеем возможность благоговейно прикоснуться к его святыне. С его реальным зримым пребыванием в стенах обители растет уверенность в том, что Преподобный поднялся из гроба и для того тоже, чтобы вернуть своему монастырю былое благолепие.

Не будем останавливаться здесь на перечислении той посильной помощи, которую оказывают монастырю прихожане, паломники и благодетели. Дела рук человеческих являются лишь слабой проекцией огромной молитвенной работы, совершающейся в «горних обителях» сонмом наших святых соотечественников. В событиях, сопровождающих духовное возрождение Лужецкой обители, находим примеры этого молитвенного предстательства.

Из жития преподобного Ферапонта известно, как не хотелось ему оставлять свой первый монастырь на Белом озере, посвященный Рождеству Пресвятой Богородицы. Там, среди лесов, непроходимых болот, множества вод, озер и рек – местности пустынной, а значит, способствовавшей к стяжанию новых добродетелей, верхом которых для монаха было безмолвие, хотел он окончить свои дни. С сопостриженником и другом своим преподобным Кириллом пришел Ферапонт в тот суровый край, но вот по зову Можайского князя Андрея Дмитриевича, владельца Белозерских земель, вынужден был отправиться в Можайск. Основав и здесь на красивейшем месте второй и также посвященный Рождеству Пречистой Девы монастырь, блаженный старец Ферапонт, окруженный заботой князя, прожил в нем восемнадцать лет, продолжая все ж тосковать о белозерском безмолвии. Пролетели столетия, и в Лужецком монастыре на месте разоренного безбожниками некрополя был водружен поминальный деревянный крест с надписью «Блаженной памяти священноиноков, всей братии строителей и благоукрашителей». Казалось бы, нет в этом ничего удивительного. Подобные кресты устанавливают сейчас во многих монастырях, и все же крест в Лужецком монастыре особенный. Особенность его в том, что вырезан он за много верст от Можайска, тех самых верст, что были пройдены преподобным Ферапонтом почти шесть столетий назад. Резали крест на Белом озере, в монастыре преподобного Кирилла, начали еще до обретения, не вкладывая в это дело никакого нарочитого смысла. Просто пришла человеку в голову такая мысль. Да вот только разве мысли приходят сами по себе?.. Невидимая нить, пронизывающая пространство, связала Можайскую землю с любезной сердцу старца землей Северной Фиваиды.

Нить, пронизывающая время, уходит в глубину веков от другого креста, появившегося в монастыре тоже после обретения. Этот крест с Распятием из цельного куска белого итальянского мрамора изваял

скульптор В.В. Глебов за много лет до возрождения монастыря. Долгие годы Распятие стояло невостребованным в мастерской скульптора в Крутицком подворье. По материнской линии Владимир Владимирович происходит из княжеского рода Вадбольских, а те, в свою очередь, ведут свое начало от князей Белозерских. Один из предков Глебова князь Федор Федорович Вадбольский, в иночестве Феодосий с 1702 по 1704 год был 32-м архимандритом Можайского Лужецкого монастыря. Епископом Сарским и Подонским скончался он в 1712 году в своей резиденции – Крутицком подворье в Москве. Могила епископа Феодосия (кн. Вадбольского) сохранилась до наших дней в Успенском соборе подворья, как раз напротив окон мастерской скульптора. Когда обнаружилась эта удивительная связь, Владимир Владимирович понял, что место его творению нашлось самое подходящее – Лужецкий монастырь. Но оказалось, что В.В. Глебова, теперь уже народного художника России и кавалера ордена преподобного Сергия Радонежского, с обителью преподобного Ферапонта связывают куда более древние корни. Мы помним по житию старца, что князь Андрей Можайский узнал о блаженном Ферапонте от своего заместителя на Белом озере, которому *«случилось быть в обители Пречистой Богородицы у преподобного Ферапонта, и он беседовал с блаженным о душевных делах и о телесных потребностях, которые бывают в миру и случаются у многих людей. Тот в ответ достойно показал, как подобает инокам беседовать с мирским человеком. И этот вельможа, услышав речь преподобного, удивился его разуму и очень его любил, получив наслаждение от беседы с ним, ибо очень сладко было слово его и умиленно, а держался он кротко, многое смирение имея, так что и сам облик его мог принести человеку большую пользу. И тот упомянутый вельможа, накормив братию и дав щедрую милостыню монастырю, вернулся к себе. А через некоторое время, придя к своему господину, князю Андрею Дмитриевичу, рассказал... о беседе со святым старцем*

*Ферапонтом...»*¹. История донесла до нас имя этого человека. Им был князь Юрий Васильевич Белозерский Сугорский, ставший первым наместником князя Андрея Можайского после 1389 г. (раздел княжества Дмитрием Донским между сыновьями) и пробывший им по первые десятилетия XV века. То есть человеком, ставшим первопричиной прихода преподобного Ферапонта в Можайск, был далекий предок скульптора В.В. Глебова. Освященный по церковному Уставу Крест-распятие, перестав быть просто произведением искусства, был установлен в колокольной палатке монастыря, ныне преобразованной в поминальную часовню, а некогда служившей усыпальницей другого древнего рода – дворян Савеловых, на средства которых и возводилась монастырская колокольня. Один из известнейших представителей этого рода, Патриарх Иоаким пожаловал в 1688 г. «на колокольное каменное строение сто рублей».

Двумя годами ранее, в 1686-м, неоднократно бывавший в Лужецком монастыре Святейший сделал другой богатый вклад – напрестольное Евангелие, обложенное золоченым серебром (Главн. опис. Л. 33, № 2)². *«У сего Евангелия передняя дска серебряная золоченая, хорошей чеканной работы, до 4 фунт. весом, а корешок и задняя дска тоже чеканная, золоченая, но медные; оно в большой лист, печатано в 1681 г.»*³. Так описывал в конце XIX века это хранящееся в ризнице Святое Евангелие летописец монастыря архимандрит Дионисий (Виноградов).

Прошло совсем немного лет, и богатейшая ризница монастыря перестала существовать. Можайский краевед Н.И. Власьев был свидетелем, как в безбожные годы с Богослужебных книг XVI, XVII, XVIII веков срывались драгоценные оклады. Могло ли в тех чудовищных условиях сохраниться печатное Слово Божие? Оказывается, могло – Бог поругаем не бывает. Святое Евангелие без оклада многие годы пролежало невостребованным в одном из двух незакрывавшихся

храмов Можайска – церкви Илии Пророка. Потом, уже на исходе XX века его переплели и передали в Лужецкий монастырь. 12 января 2000 года, в день памяти святителя Макария Митрополита Московского оно впервые оказалось на престоле единственного пока действующего в монастыре Преображенского храма.

За Божественной Литургией при чтении Евангелия взгляд священника упал на написанное старыми чернилами внизу страницы слово. Оно оказалось началом вкладной записи. Вся она на сорока страницах гласила: *«Сию / книгу / великий / Кир / Иоаким / Патриарх / Московский /и всея / России /и северных / стран / даде / во обитель / Пресвятая / Богородицы / в храм / честнаго / Ея Рождества / в Лужецкой / монастырь / иже / есть / во граде / Можайске / в вечное / поминание /по родителех / своих / от мироздания / 7104 / лета / месяца / марта / и из тоя /обители книга сия / да не похитится / ни кимже / во веки./ Аминь аминь. / Буди сие буди /».*

Архимандрит-летописец Дионисий посчитал нужным дописать на следующих страницах: *«Сие / Святое / Евангелие / принадлежит / Лужецкому / Можайскому / монастырю. / Лужецкий / архимандрит / Дионисий/».*

Но и это было еще не все. На последних страницах, так же постранично, стояло: *«Лета 7 году / ноября дня в восьмое сие / Евангелие / в прикладе / Покрова Пресвятая Богородицы / и Блаженнаго Василия Чудотворца / что на рву Протопоп / Иоанн Васильев / положил о своем / душевном спасении / и рода своего о одшедших душах / в помяновение / по пяти рубль серебра денег на то / к монастырскому да двенадцать золотых / кроме Святейшего Патриарха / десяти золотых / да десяти -- ---- / ----- / по позолоты мастера / и за кипарис дано за все / по восемьдесят рублей / шесть рублей десять алтын с полугривной / а строено сие в монастырь Лужецкой / во граде Можайске / при*

архимандрите Антонии / еже во Христе з братией / тоя святыя обители / о Христе Бозе нашем. Аминь /».

«Из тоя обители книга сия да не похитится ни кимже во веки. Аминь аминь. Буди сие буди», – припечатал, как гвоздь забил, Патриарх Иоаким. Крепко Первосвятительское слово! Святая Книга вернулась туда, где должно ей пребывать во веки. А в какой день вернулась? В день памяти книгопечатника святителя Макария, Митрополита Московского, начинавшего свою архипастырскую деятельность архимандритом Лужецкого монастыря в 1523 г., не оставлявшего обитель присылкою в нее вкладов и милостыни и тогда, когда был уже Архиепископом и Митрополитом. При нем же на Соборе в 1548 г. было установлено причисление к лику святых преподобного Ферапонта. Кто не согласится, что Святое Евангелие является теперь подарком обители и от Первосвятителя Макария тоже?

Произволением Божиим разоренная ризница монастыря опять начинает пополняться сокровищами. Вскоре после Юбилейного Архиерейского Собора Российской Православной Церкви, на котором был прославлен сонм новомучеников и исповедников Российских, в Лужецкий монастырь пришел образ «Похвалы Пресвятой Богородицы» с памятной надписью на тыльной стороне «Благословение Их Императорских Величеств. Май 1913». В мае 1913 г. в России широко праздновалось 300-летие Царствующего Дома Романовых. Династия воцарилась на русском престоле после страшных для Руси лет смуты начала XVII в. Губительное разорение претерпела тогда и Лужецкая обитель в Можайске. Мученическую кончину от польско-литовских завоевателей принял ее настоятель архимандрит Митрофан 2-й⁴. Монастырь пустовал до 1627 года и все-таки смог подняться.

Более продолжительная смута XX столетия, затронувшая и наши души, теперь, кажется, осталась позади. В 1913 г. Императорская чета благословила Богородичной иконой кого-то из своих верноподданных.

Спустя почти сто лет благословение Царственных страстотерпцев и благословение Царицы Небесной Ее иконой пребывает над обителью преподобного Ферапонта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Житие преподобного Ферапонта Белозерского // Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Сост. Г.М. Прохоров, Е.Г. Водолазкин, Е.Э. Шевченко. Спб., 1993. С. 223.

² *Дионисий, архимандрит.* Краткая летопись Можайского Лужецкого второклассного монастыря с 1408 года по 1892 год. М., 1892. С. 34.

³ Можайский Лужецкий второго класса монастырь. М., 1888. С. 47.

⁴ Можайский Лужецкий второго класса монастырь. М., 1888, С. 15.